

ГОЛОТЮК О.В.

А.С. ПУШКИН И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Специалисты, изучавшие жизнь и творчество Пушкина, его язык, не раз отмечали, что связи поэта с культурой и языком Франции были глубоки и разнообразны. Французское влияние на творчество Пушкина несравненно сильнее влияния другой иностранной культуры, считает В.Г.Гак [2, с.2].

Л.В. Щерба отмечал, что основу русского литературного языка составляют, конечно, исконно русские элементы, но к ним добавляются книжные церковнославянские слова, диалектные элементы, иностранная терминология, "совершенно незаметное для невооруженного глаза французское влияние" [2, с.2]. В качестве примера последнего он приводил само слово *влияние*, кальку с французского *influence*, и выражение *На берегу (пустынных) волн*, восходящее, по его мнению, к французскому *au bord des ondes*. Незаметное у Л.В. Щербы значит не "незначительное", но "то, которое трудно заметить".

О Пушкине говорят, что французский язык был для него вторым родным языком. В.Г. Гак считает, что французский язык играл большую роль в творческом процессе у поэта. Пушкин нередко делал заметки, наброски, планы на французском языке, а потом при реальном художественном творчестве переходил на русский. Из этого делается вывод, что Пушкин в ряде случаев *думал по-французски*: "путь от замысла к тексту был для Пушкина очень часто переходом от французского языка к русскому" [2, с.3].

Мы видим, что двуязычие позволяло Пушкину создавать новые, небывалые стилистические и семантические эффекты.

Из двух языков, которыми Пушкин владел одинаково свободно, первым для него был французский, считает В.С. Баевский [1, с.15]. "Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски. На восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского: он слышал один французский язык. Пушкин был одарен памятью необыкновенной и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу" (брат Лев Сергеевич) [4, с.35]. В лицее одна из кличек Пушкина была "француз", и его товарищи, сами воспитанные на французский лад, шутили, что он говорит не по-французски, а по-парижски. "Мы привыкли мыслить на чужом языке" [4, с.35]. Действительно, наброски планов драматических и эпических произведений, схема онегинской строфы, другие заметки, предназначенные для себя, Пушкин записывает либо перемешивая французские и русские слова, либо по-французски.

В "Евгении Онегине" Татьяна, *"русская душою"*, *"по-русски плохо знала, Журналов наших не читала, И выражалась с трудом На языке своем родном"*. Это не изолированное замечание: его поддерживает, например, весь широкий контекст строф XXVI — XXXI главы 3-й. Вскоре после этого Пушкин посылает Жуковскому проект письма к

царю и поясняет: "Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем, если покажется это непристойным, то можно и перевести" [1, с.15].

При сравнении возможностей осмысления русского и французского алфавитов Пушкин решительно отдает предпочтение французскому, полагает В.С. Баевский. Но при том, что первым языком для Пушкина был французский, строй его мыслей, понятия, бытовое поведение, самоощущение его были чисто русскими. Став во главе культурной жизни России, он повел упорную систематическую борьбу за утверждение, обогащение, развитие русского языка, неисчерпаемые возможности которого он видел лучше, чем кто-либо другой. Он неоднократно сопоставлял свойства русского и французского языков.

Вяземский записал, что Пушкина однажды спросили о даме, с которой он долго беседовал, умна ли она. "Не знаю, ведь я с нею говорил по-французски," — ответил он, не желая сострить [1, с.15]. Здесь можно усмотреть и похвалу французскому языку, и упрек клишированной французской речи светских дам. Французский язык имел устоявшиеся формулы на все случаи жизни, тогда как русский был весь в движении, становлении. В частности, Пушкин не раз подчеркивал, что в нем отсутствовали средства для выражений "метафизических", т.е. научных понятий. Сознвая задачу создания нового литературного языка, лежавшую на нем и его одаренных современниках, Пушкин радовался открытости русского языка для заимствований и обогащения, его некодифицированности.

Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю [1, с.17].

В примечании 31 к "Евгению Онегину" Пушкин обосновывал законность употребления слов *хлоп, молвь, топ* ссылкой на то, что они коренные русские, примерами из народного эпоса. Рядом он писал:

Раскаяться во мне нет силы, Мне галлицизмы будут милы ...

13 июля 1825 г. Пушкин поделился с Вяземским мыслями: "Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т.е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в Онегине" [4, с.44].

Борьбу за становление нового русского литературного языка Пушкину приходилось вести не только в русском обществе, но и в самом себе. Эта драматическая коллизия может быть проиллюстрирована следующим примером. Вяземский вспоминает, как Пушкин рассердился на него за слова о том, что русский язык беден рифмами. "Оскорбление русскому языку принял он за оскорбление, лично ему нанесенное". А в "Путешествии из Москвы в Петербург" Пушкин сам высказал ту же мысль, за которую сердился на Вяземского: "Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую" [4, с.44].

Понимание Пушкиным функций и возможностей

русского и французского языков можно суммировать так. Французский язык в совершенстве разработан, удобен для выражения всех оттенков мыслей и чувств. Благодаря наличию готовых формул на все случаи жизни, он позволяет скрывать отсутствие подлинных чувств и оригинальных мыслей. Русский язык не обработан, в нем нет готовых слов и формул для выражения интимных переживаний и философских, научных, политических понятий. Он только создается, возможности его безграничны. Дело литераторов — на основе прежде всего народной разговорной речи и убедительного опыта французского языка создать русский литературный язык, способный передавать все оттенки смысла и чувств.

В сознании Пушкина, гениального поэта, были сильно выражены аналитическое начало, историзм, склонность к систематизации. В какой-то степени это было воспитано культурой французского классицизма и "Века Разума". К проблемам лингвистическим он также подходит одновременно как поэт и как исследователь, обсуждая их и в статьях, и в письмах, и в романе в стихах. Лингвистический компонент поэтического сознания Пушкина должен быть принят во внимание и изучен в полном объеме.

В.С. Баевский излагает результаты такой работы, проделанной на материале "Евгения Онегина".

В романе в стихах содержится 46 лингвистически выделенных мест, где Пушкин либо прямо обсуждает языковые проблемы, либо недвусмысленно дает понять: здесь такая проблема есть. Например:

Она казалась верный снимок Di come il faut...

(Шишков, прости: Не знаю, как перевести.) [1, с.18].

Пушкин не просто вводит варваризм, а обращает внимание на его иносистемный статус, вовлекает на миг читателя в полемику по вопросам языка и стиля. Можно непосредственно увидеть, как языковое чутье и мышление поэта обостряются при сопоставлении русского и французского языков.

В романе 383 полных и 24 неполных строфы. Одно лингвистически отмеченное место приходится в среднем на 9 строф, пять на главу (приравнивая к главе и "Отрывки из Путешествия Онегина"). Интенсивность лингвистического компонента поэтического мышления, отраженного в "Евгении Онегине", во много раз превосходит все, что русская литература знала до и после Пушкина. Судьба романа в стихах уникальна. Он создан в зоне становления нового литературного языка. Он сам — тело этого нового литературного языка. И сам же себя в таком качестве осмысливает и описывает — без такой рефлексии он, похоже, вообще бы не осуществился.

По языкам лингвистически отмеченные места распределяются следующим образом. Русский язык обсуждается 31 раз, французский — 21, английский — 4, греческий, латынь, итальянский — по 2, немецкий, испанский — по 1. Понятия языкознания без определенной языковой приуроченности (например, *Слов модных полный лексикон*) упоминаются 2 раза. Общее количество случаев в приведенном перечне доходит до 66, часто проблема

возникает на пересечении двух или даже большего числа языковых традиций. Так, в словах *"Недуг, ... Подобный английскому сплину. Короче: русская хандра ...* сталкиваются три языка: английский, русский, греческий.

31 обращение к русскому языку и 21 к французскому при том, что ко всем остальным вместе поэт обращается 14 раз, показывают, что в центре поэтического сознания автора романа стоит русский язык и что осмысливается он на фоне французского.

Сам жанр романа в России начала XIX в. был неотделим от французского языка, французской литературы и культуры. Не только романы Шодерло де Лакло, Руссо, Крюднер, Лувре де Кувре, Констана, но и романы немецких и английских авторов читались Пушкиным и в России вообще преимущественно на французском языке. Жанр романа сам по себе побуждал Пушкина постоянно обращаться к французской традиции, в том числе языковой.

Посмотрим, на каких языковых уровнях сосредоточено внимание Пушкина. 24 раза он обсуждает вопросы лексики и семантики. Например:

Люблю я дружеские враки. И дружеский бокал вина

Порою той, что названа Пора меж волка и собаки,

А почему, не вижу я... [1, с.18].

Пушкин шутит: ему отлично известен фразеологизм *entre chien et loup*, где время собаки — день, а время волка — ночь.

К лексико-стилистическим проблемам поэт обращается 17 раз.

Например, к своему стиху *Людская молвь и конский топ!* он делает примечание 31, которое мы упоминали: обосновывает употребление слов, вызвавших неодобрение критиков-пуристов, и формулирует стилистический императив: *Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.*

По сравнению с лексико-семантическими и лексико-стилистическими проблемами обращения к другим языковым уровням весьма редки: 3 касаются фонологии, 2 — грамматики вообще, 1 — специально морфологии, 6 — вопросов языка вообще.

Как пример поэтической постановки фоно-стилистической проблемы напомним стихи: *И русский Н как N французский Произносить умела в нос...*

"Евгений Онегин" — всегда новое явление русской литературы прошлого и настоящего. Он написан в пору становления нового литературного языка и стал самым убедительным аргументом в его пользу. С определенной точки зрения, "Евгений Онегин" предстает перед нами как труд по важнейшим языковым проблемам в совершенной художественной форме. Тема этого труда: становление нового русского языка в постоянном контакте с французским (отчасти — с английским, немецким) и обширного текста на нем. Неоднократно замечено, что "Евгений Онегин" — в известном смысле роман романа: он сам в себе содержит указания на процесс своего создания. Теперь мы можем прибавить: это и роман о том, как написан роман, и роман о том, на каком языке он написан.

"Евгений Онегин" — это роман в стихах, который мыслит сам себя как явление культуры, как жанр и как дискурс. А творчество А.С.Пушкина и его особенности всегда были и остаются предметом исследований филологов, лингвистов, педагогов.

Деятельность А.С. Пушкина высоко оценил президент Франции Жак Ширак. «Пушкин — один из моих любимейших поэтов — еще в двадцать лет я сделал перевод «Евгения Онегина». Но мой перевод не был

опубликован. Когда мне было двадцать лет, я просто восхищался Пушкиным, всем Пушкиным в целом. Надо признаться, что «Евгений Онегин» — не самое мое любимое пушкинское произведение, хотя я его тоже люблю. Но у меня был наставником господин Белонович, такой старый русский учитель, которого я очень любил, и он заставил меня прочесть всего Пушкина — от корки до корки. Мне всегда было трудно выбирать в произведениях Пушкина какие-то любимые места, отрывки. В моем представлении творчество Пушкина — это вообще единое целое, которое в литературной сфере, по-видимому, граничит с совершенством» [3, с.18].

Литература:

1. Баевский В.С. Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина // Филологические науки. – 1997. – № 2. – С.13-23.
2. Гак В.Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и культурная коммуникация. – 1999. – № 2. – С.79-89.
3. Гусман М. Жак Ширак. Один из моих любимейших поэтов – Пушкин // Эхо планеты, 2001. – № 38. – С.18-19.
4. Пушкин А.С. в воспоминаниях современников. – Москва, 1974. – Т.1. – С.44.